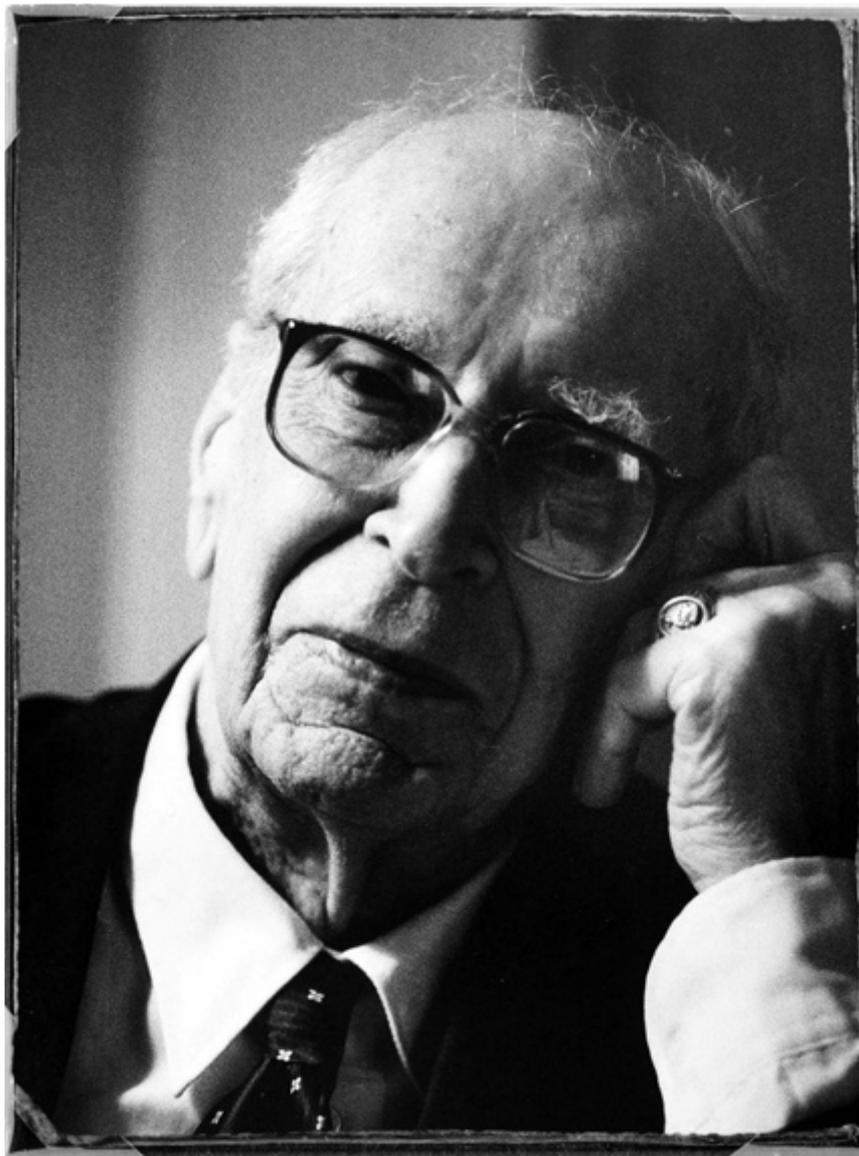

Академик Дмитрий ЛИХАЧЁВ: «Я живу с ощущением расставания...»

Беседа с академиком РАН Дмитрием Сергеевичем ЛИХАЧЁВЫМ от 5 марта 1996 года (беседовал — Д. Шеваров).

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев

– Сколько слов было о защите культуры – водопад! Инфляция слова, забалтывание высоких понятий – это же не менее пагубно для души и русского языка, чем партийная цензура. И результат тот же – немота. Тогда сказать было нельзя, а сейчас – нечего. Мне кажется даже, что люди в автобусе не общаются, а мычат друг на друга.

– Мы страна без обращения к другому. Вот что я слышал от одного эмигранта, приехавшего в Россию: «Вы знаете, что у вас заменило **обращение к другому человеку**? Слово «ну». Всегда к нам обращается экскурсовод и говорит: «Ну, пойдём...», «Ну, сейчас будем обедать...» Постоянное «ну», привычка обращаться с понуканием вошла в язык. Помню, как в 37-м году, когда начались массовые аресты в Петербурге, вдруг я услышал, что на почте мне говорят «гражданин», милиционер говорит «гражданин», кондуктор в трамвае говорит «граждане», а говорили всегда «товарищ». А случилось то, что каждый человек был подозреваем. Как же сказать «товарищ» – а может быть, он шпион в пользу какой-нибудь Исландии?

– *Это был официальный запрет?*

– Я не знаю, какой это был запрет, я его не читал, но это в один прекрасный день, как туча, надвинулась на город – запрещение говорить «товарищ» во всех официальных учреждениях. Я спросил у кого-то: почему вы мне раньше говорили «товарищ», а теперь «гражданин»? А нам, говорят, так указано было. Это было унижительно. Страна без уважения к другой личности. Какие отношения вообще возникают с детства, со школы, если девочки начинают матюкаться? Мне об этом очень трудно говорить, потому что я чувствую, что попадаю в русло нравоучительной беседы. Но у меня очень много писем по этому поводу мата или, как осторожнее говорили до революции, «трехэтажных выражений».

– *Брань вторгается в литературу. Когда в прошлом году я впервые увидел матерные слова под голубой обложкой «Нового мира», стало не по себе, стало просто страшно...*

– Если бесстыдство быта переходит в язык, то **бесстыдство языка** создает ту среду, в которой бесстыдство уже привычное дело. Существует природа. Природа не терпит бесстыдства.

– *«Собеседник» выпустил нецензурную газету год назад, как бы в шутку. Мальчики резвились, но одного из авторов попытались всерьез привлечь к ответственности. Что тут началось! Чуть не вся литературная и журналистская Москва поднялись на защиту «героя».*

– Не его, а от него надо защищаться. То бесправие, в котором русский народ жил почти целый век, оно людей унижало. Сейчас кому-то кажется, что вседозволенность – кратчайший путь из унижительного положения. Но это самообман. Тот, кто чувствует себя свободным, не будет отвечать матом...

— *А вам приходилось прибегать к «ненормативной» лексике в каких-то крайних ситуациях?*

— Нет, не приходилось.

— *Даже в лагере?*

— Даже там. Я просто не мог материться. Если бы я даже решил про себя, ничего бы не вышло. На Соловках я встретил коллекционера Николая Николаевича Виноградова. Он попал по уголовному делу на Соловки и вскоре стал своим человеком у начальства. И все потому, что он ругался матом. За это многое прощалось. Расстреливали чаще всего тех, кто не ругался. Они были «чужие». Интеллигентного, доброго Георгия Михайловича Осоргина островное начальство собиралось расстрелять и уже заключило в карцер, когда по разрешению более высокого начальства к Осоргину приехала на свидание жена, княжна Голицына. Осоргина выпустили под честное слово офицера с условием, что он ничего не скажет жене о готовящейся ему участи. И он ничего ей не сказал.

Я тоже оказался чужим. Чем я им не угодил? Тем, очевидно, что ходил в студенческой фуражке. Я её носил для того, чтоб не били палками. Около дверей, особенно в тринадцатую роту, всегда стояли с палками молодчики. Толпа валила в обе стороны, лестницы не хватало, в храмах трехэтажные нары были, и поэтому, чтобы быстрее шли, заключенных гнали палками. И вот, чтобы меня не били, чтобы отличиться от шпаны, я надевал студенческую фуражку. И действительно меня ни разу не ударили. Только однажды, когда эшелон с нашим этапом пришел в Кемь. Я стоял уже внизу, у вагона, а сверху охранник гнал всех и тогда ударил сапогом в лицо... Ломали волю, делили на «своих» и «чужих». Вот тогда и мат пускался в ход. Когда человек матерился – это свой. Если он не матерился, от него можно было ожидать, что он будет сопротивляться. Поэтому Виноградову и удалось стать своим – он матерился, и когда его освободили, стал директором музея на Соловках. Он жил в двух измерениях: первое определялось внутренней потребностью делать добро, и он спасал интеллигентов и меня спасал от общих работ. Другое определялось потребностью приспособиться, выжить.

Во главе Ленинградской писательской организации одно время был Прокофьев. В обкоме он считался своим, хотя всю жизнь был сын городского, он умел ругаться и оттого умел как-то находить общий язык с начальством. А интеллигентов, даже искренне верящих в социализм, отвергали с ходу – слишком интеллигенты, а потому не свои.

– *Еще сто лет назад в словаре русского языка было 287 слов, начинающихся с «благо». Почти все эти слова исчезли из нашей речи, а те, что остались, обрели более приземленный смысл. К примеру, слово «благонадежный» означало «исполненный надежды», «ободрившийся»...*

– Слова исчезли вместе с явлениями. Часто ли мы слышим «милосердие», «доброжелательность»? Этого нет в жизни, поэтому нет и в языке. Или вот «порядочность». Николай Калининнич Гудзий меня всегда поражал – о ком бы я ни заговорил, он спрашивал: «А он порядочный человек?» Это означало, что человек не доносчик, не украдет из статьи своего товарища, не выступит с его разоблачением, не зачитает книгу, не обидит женщину, не нарушит слова. А «любезность»? «Вы оказали мне любезность». Это добрая услуга, не оскорбляющая своим покровительством лицо, которому оказывается. «Любезный человек». Целый ряд слов исчезли с понятиями. Скажем, «воспитанный человек». Он воспитанный человек. Это прежде всего раньше говорилось о человеке, которого хотели похвалить. Понятие воспитанности сейчас отсутствует, его даже не поймут.

До сих пор остается бедой русского языка то, что отменили преподавание церковно-славянского языка. Это был второй язык, близкий к русскому.

– *Нарядный...*

– Да-да, этот язык **поднимает значение того, о чем идет речь в слове.** Это другое совершенно высокое эмоциональное окружение. **Исключение из школьного образования церковно-славянского и нашествие материны – это симметричные явления.**

Общая деградация нас как нации сказалась на языке прежде всего. Без умения обратиться друг к другу мы теряем себя как народ. Как жить без умения назвать? Недаром в книге Бытия Бог, создав животных, привел их к Адаму, чтобы тот дал им имена. Без этих имен человек бы не отличил коровы от козы. Когда Адам дал им имена, он их заметил. Вообще заметить какое-нибудь явление – это дать ему имя, создать термин, поэтому в средние века наука занималась главным образом называнием, созданием терминологии. Это был целый такой период – схоластический. Называние уже было познанием. Когда открывали остров, ему давали название, и только тогда это было географическим открытием. Без называния открытия не было.

– *После первых документальных фильмов с вашим участием и телевизионных встреч в «Останкино» ваша речь стала своего рода*

эталоном речи культурного человека. А кого бы вы могли поставить в пример, чья речь вам нравится?

– В свое время эталоном русской речи был язык актеров Малого театра. Там традиция была со щепкинских времен. И сейчас надо слушать хороших актеров. В Петербурге – Лебедева, Басиладшвили.

– Слова за годы нашей жизни обрастают только нам ведомыми оттенками, воспоминаниями – так обрастает корабль ракушками.

Может, поэтому мне кажутся такими интересными словари писателей.

Их, увы, немного. Словарь языка Пушкина, который давно стал редкостью, недавно вышел словарь к пьесам Островского...

– Я бы поставил на первое место необходимость создания словаря Бунина. Его язык богат не только связью с деревней и дворянской средой, но еще и тем, что в нем литературная традиция – от «Слова о полку Игореве», от летописей.

Очень важно читать детям вслух. Чтобы учитель пришел на урок и сказал: «Сегодня мы будем читать «Войну и мир». Не разбирать, а читать с комментариями. Так читал нам в школе Лентовской наш учитель словесности Леонид Владимирович Георг. Чаще всего это происходило на тех уроках, которые он давал вместо своих заболевших коллег-педагогов. Он читал нам не только «Войну и мир», но и пьесы Чехова, рассказы Мопассана. Показывал нам, как интересно учить французский язык, рылся при нас в словарях, подыскивая наиболее выразительный перевод. После таких уроков я одно лето занимался только французским.

Самое печальное, когда люди читают и незнакомые слова их не заинтересовывают, они пропускают их, следят только за движением интриги, за сюжетом, но не читают вглубь. Надо учиться не скоростному, а медленному чтению. **Пропагандистом медленного чтения был академик Щерба.** Мы с ним за год успевали прочесть только несколько строк из «Медного всадника». Каждое слово представлялось нам, как остров, который нам надо было открыть и описать со всех сторон. У Щербы я научился ценить наслаждение от медленного чтения.

Стихи же вообще нельзя прочитать с первого раза. Сперва нужно уловить музыку стиха, затем уже читать с этой музыкой – про себя или вслух».

ЛИХАЧЁВ Дмитрий Сергеевич, историк древнерусской литературы, академик, первый кавалер восстановленного ордена Андрея Первозванного. Родился в семье инженера. В 1923 окончил трудовую школу и поступил в Петроградский университет на отделение языкознания и литературы факультета общественных наук. В 1928 окончил университет, защитив два диплома — по романо-германской и славяно-русской филологии.

В 1928 за участие в научном студенческом кружке Лихачев был арестован и сидел в Соловецком лагере. В 1931 — 1932 находился на строительстве Беломорско-Балтийского канала и был освобожден как «ударник Белбалтлага с правом проживания по всей территории СССР».

В 1934 — 1938 Лихачев работал в Ленинградском отделении издательства АН СССР. Обратил на себя внимание при редактировании книги А.А. Шахматова «Обозрение русских летописных сводов» и был приглашен на работу в отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома, где прошел путь от младшего научного сотрудника до действительного члена Академии наук (1970).

В 1941 Лихачев защитил кандидатскую диссертацию «Новгородские летописные своды XII века». В осажденном фашистами Ленинграде Лихачев в соавторстве с археологом М.А. Тиановой написал брошюру «Оборона древнерусских городов», которая появилась в блокадном 1942. В 1947 Лихачев защитил докторскую диссертацию «Очерки по истории литературных форм летописания XI — XVI вв.».

Лихачев получил мировую известность как литературовед, историк культуры, текстолог, популяризатор науки, публицист. Его фундаментальное исследование «Слово о полку Игореве», многочисленные статьи и комментарии составили целый раздел отечественной медиевистики.

Большое значение для исторической науки имеет его монография «Текстология. На материале русской литературы X — XVII вв.». Занимаясь специальными вопросами, Лихачев умеет рассказывать о них просто, доходчиво и не для специалиста. В книге «Человек в литературе Древней Руси» Лихачев показал, как менялись стили в древней русской литературе, дав возможность современному читателю воспринять произведение прошлого.

Много удалось сделать Лихачеву, как преподавателю и организатору науки; он являлся членом многих иностранных академий, дважды удостоивался Государственной премии (1952, 1969), в 1986 стал Героем Социалистического Труда.